

Владимир Григорьевич Дацышен

Институт демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, Москва, Россия

Красноярский государственный педагогический университет, Красноярск, Россия

dazishen@mail.ru

**ПРОБЛЕМЫ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ ИЗ ТАДЖИКИСТАНА
В ВОСТОЧНУЮ СИБИРЬ В ПОСТСОВЕТСКУЮ ЭПОХУ**

В статье исследуются проблемы трудовой миграции из Таджикистана в Восточную Сибирь в постсоветскую эпоху. На первом этапе развития миграционных связей стран Средней Азии с Восточной Сибирью в 1990-х гг. проявилась специфика Таджикистана, где была более заметной трудовая миграция коренного этноса государства. Счет легальных трудовых мигрантов из Таджикистана в Красноярском крае и Иркутской области шел на десятки или сотни человек в год, они численно многократно уступали трудовым мигрантам из стран Восточной Азии, Закавказья, Украины. Во второй половине первого десятилетия XXI в. произошел резкий рост числа легальных трудовых мигрантов в Восточной Сибири. Численность трудовых мигрантов из Таджикистана шла на тысячи и десятки тысяч человек. Таджики вышли на лидирующие позиции среди иностранных трудовых мигрантов. Большинство трудовых мигрантов из Таджикистана были заняты в строительном секторе, но их труд присутствовал и в других отраслях народного хозяйства. Среди иностранных трудовых мигрантов таджики дали самый высокий показатель длительности проживания на одном месте и принятия гражданства Российской Федерации. Миграционные связи Таджикистана с Восточной Сибирью на протяжении всей постсоветской истории во многом были похожи и соотносимы с миграционными процессами Узбекистана и Кыргызстана. Однако таджики дали основной (после граждан Украины) миграционный прирост населения Российской Федерации в начале XXI в.

Ключевые слова: *постсоветская эпоха, трудовые мигранты, миграционный прирост населения, таджики, длительность проживания, принятие гражданства, Восточная Сибирь, Таджикистан*

Для цитирования: *Дацышев В.Г. Проблемы трудовой миграции из Таджикистана в Восточную Сибирь в постсоветскую эпоху // Социально-экономический и гуманитарный журнал. 2023. № 2. С. 272–285. DOI: 10.36718/2500-1825-2023-2-272-285*

Vladimir Grigorievich Datsyshen

Institute for Demographic Research, Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Krasnoyarsk State Pedagogical University, Krasnoyarsk, Russia
dazishen@mail.ru

PROBLEMS OF LABOR MIGRATION FROM TAJIKISTAN TO EASTERN SIBERIA IN THE POST-SOVIET ERA

The paper examines the problems of labor migration from Tajikistan to Eastern Siberia in the post-Soviet era. At the first stage of the development of migration ties between the countries of Central Asia and Eastern Siberia in the 1990s, the specificity of Tajikistan manifested itself, where labor migration of the indigenous ethnic group of the state was more noticeable. The number of legal labor migrants from Tajikistan in the Krasnoyarsk Region and the Irkutsk Region amounted to tens or hundreds of people a year; they were numerically many times inferior to labor migrants from the countries of East Asia, Transcaucasia, and Ukraine. In the second half of the first decade of the XXI century there was a sharp increase in the number of legal labor migrants in Eastern Siberia. The number of labor migrants from Tajikistan went to thousands and tens of thousands of people. Tajiks took a leading position among foreign labor migrants. The majority of labor migrants from Tajikistan were employed in the construction sector, but their labor was also present in other sectors of the national economy. Among foreign labor migrants, the Tajiks gave the highest indicator of the duration of residence in one place and the acquisition of citizenship of the Russian Federation. The migration links of Tajikistan to Eastern Siberia throughout the entire post-Soviet history were in many ways similar and correlated with the migration processes of Uzbekistan and Kyrgyzstan. However, the Tajiks gave the main (after the citizens of Ukraine) migration increase in the population of the Russian Federation at the beginning of the XXI century.

Keywords: post-Soviet era, labor migrants, migration population growth, the Tajiks, length of residence, citizenship, Eastern Siberia, Tajikistan

For citation: Datsyshen V.G. Problems of labor migration from Tajikistan to Eastern Siberia in the post-soviet era // Socio-economic and humanitarian journal. 2023. № 2. S. 272–285. DOI: 10.36718/2500-1825-2023-2-272-285

Введение. В конце XX в. Сибирь вступила в новый период своей истории. После распада СССР экономика всех территорий бывшего Советского Союза оказалась в кризисном состоянии. Большинство сибирских регионов столкнулись с проблемой оттока населения и депопуляции. Сильнее всего эти процессы затронули Дальний Восток и Восточную Сибирь. Собственно, в Восточной Сибири за первое десятилетие постсоветской эпохи миграционная убыль населения

составила 159 тыс. чел., а численность населения сократилась на 2 % [1, с. 206].

Еще более сильный кризис в постсоветский период пережил Таджикистан. Таджикиские исследователи пишут: «В Таджикистане, как и в других странах Центральной Азии, в последней четверти XX – начале XXI века произошли глубокие изменения в масштабах, структуре и причинах миграции населения. Процесс суверенизации Таджикистана и последовавшая затем гражданская война 1992–1993 гг. и продолжавшийся до 1997 г. пе-

риод политической нестабильности привели к глубокой трансформации нашего общества. Миграцию населения стали определять совершенно иные факторы, чем те, которые доминировали в последние десятилетия существования СССР» [2, с. 36].

В новых политических и экономических условиях менялись миграционные потоки. Именно мигранты из ряда стран бывшего Советского Союза частично компенсировали естественную и миграционную убыль населения. За счет трудовых мигрантов из стран СНГ в восточных регионах России во многом решалась проблема дефицита рабочих рук. В начале XXI в. господствующее положение на рынке иностранного труда на востоке Российской Федерации заняли мигранты из трех республик Средней Азии – Узбекистана, Таджикистана и Кыргызстана. За счет выходцев из этих стран в последние годы идет и миграционный прирост в России в целом. По темпам миграционного прироста в первое десятилетие постсоветской истории в Сибири первое место заняли таджики, их численность увеличилась в 3,5 раза, в то время как киргизов лишь в 1,5 раза, а численность же узбеков и туркмен в Сибири уменьшилась. В начале 2000-х гг. таджики по своей численности среди выходцев из стран Средней Азии вышли на первое место [3, с. 256]. Граждане Таджикистана активно принимают российское гражданство, в 2016–2020 гг. российский паспорт получили 146 тыс. таджикстанцев [4, с. 144], число таджиков, ставших российскими гражданами, в прошлом году превысило численность всех граждан других стран Средней Азии, принявших российское гражданство [5, с. 85]. Таким образом, трудовая миграция из Таджикистана в восточные районы Российской Федерации стала важнейшим фактором социально-экономического и демографического развития не только Сибири, но и всей страны.

Степень изученности вопроса. Проблемы становления и развития миграции из бывших советских республик

Средней Азии в Сибирь в последние годы стали привлекать внимание общественности и исследователей [4, 6]. Основным центром изучения миграционных процессов в Российской Федерации, в том числе и миграционных связей между Таджикистаном и Сибирью, является Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН во главе с членом-корреспондентом РАН С.В. Рязанцевым. Кроме специальных исследований по различным проблемам, коллектив института выпускает обобщающие работы. Например, ключевые проблемы современной таджикской миграции отражены в «Национальном демографическом докладе» за 2022 г. – «Демографическое благополучие России» [5, с. 85]. Важнейшим центром исследования миграционных процессов в Сибири, в том числе и проблем таджикской миграции, в постсоветское время является Новосибирск [7, 8]. Проблемами миграции из Средней Азии в Сибирь в последние годы активно занимаются сотрудники лаборатории исторической демографии Иркутского государственного университета, которые акцентируют свое внимание на культурологических аспектах мигрантов в Сибири [9], указывая на отсутствие убедительных статистических данных [10].

Таджикские исследователи связывают проблемы таджикской миграции в России с интересами развития Таджикистана [11]. Ш.М. Султанов пишет: «Таджикистан, известный как одна из беднейших стран мира, богат самой дешевой рабочей силой. Этот массовый социальный недуг способствует усилению миграции населения. Огромное число работоспособного населения вынуждено трудиться за рубежом, особенно в РФ, из-за отсутствия достойных человека рабочих мест у себя на родине. Сегодня в Таджикистане почти нет семьи, представители которой в поисках работы не выезжали бы в Россию» [12, с. 102–103]. Проблемы таджикской миграции изучает исследователь из Алтайского государственного университета С.Ф. Назаршоева [13, 14].

В большинстве обобщающих исследований по истории трудовой миграции проблемы таджикской миграции в Восточной Сибири не упоминаются [15, с. 121]. Тем не менее, в ряде работ приведены материалы, отражающие проблемы таджикской миграции в регионах Восточной Сибири. Согласно данным известного исследователя А.А. Авдашкина, 1989 и 2002 гг. Красноярский край занимал первое место среди сибирских регионов по численности таджиков, а по переписи 2010 г. этот регион по данному показателю уступал лишь Новосибирской области [4, с. 145]. Согласно данным таджикских исследователей, среди регионов Восточной Сибири первое место по числу трудовых мигрантов из Таджикистана занимает г. Иркутск. В этом городе сосредоточено 2,5 % от общего числа таджикских мигрантов в России, что в 10 раз меньше, чем в Москве, и примерно в два раза меньше, чем в Санкт-Петербурге, Екатеринбурге или Новосибирске [2, с. 37]. В историографии имеются работы исследователей из Красноярского края и Иркутской области, посвященные проблемам трудовой миграции в этих регионах, но целостных обобщающих исследований, посвященных таджикской трудовой миграции, пока нет.

Цель исследования. Восстановление исторической картины таджикской трудовой миграции.

Задачи исследования: изучить проблемы становления трудовой миграции в постсоветское время; показать динамику миграционных процессов; выявить сферы использования труда мигрантов.

Материалы и методы исследования. Работа посвящена проблемам трудовой миграции из Таджикистана в Восточной Сибири на протяжении трех десятилетий постсоветской истории России. Проблемы рассматриваются в основном на примере двух наиболее крупных и экономически развитых регионов Восточной Сибири – Красноярского края и Иркутской области. Красноярский край и Иркутская область устойчиво занима-

ют второе и третье места среди регионов в Сибирском федеральном округе по числу прибывших иностранцев [16, с. 4]. Странами Средней Азии мы традиционно называем четыре государства в Центральной Азии, бывшие республики Советской Средней Азии, – Таджикистан, Кыргызстан, Узбекистан и Туркменистан. Прибывшие из Таджикистана на заработки в Сибирь мигранты относятся к категории иностранных работников. В делопроизводственной документации иностранными работниками назывались «Иностранные граждане и лица без гражданства, временно пребывающие в Российскую Федерацию и осуществляющие в установленном порядке трудовую деятельность» [17].

В основу исследования положены статистические материалы и официальные данные, которыми апеллировали региональные сибирские власти. Статистические материалы были опубликованы в различных сборниках, бюллетенях, справочниках. Статистические ежегодники издавали региональные комитеты государственной статистики и региональные управления Федеральной миграционной службы.

Данные о трудовых мигрантах отражены в статистических сборниках Всероссийской переписи населения. В частности, в «металогических пояснениях» было указано, что в материалах «сборника приводится численность и характеристика временно находившихся на дату переписи на территории Красноярского края, но постоянно проживающих за рубежом» [18, с. 6].

Важное место среди источников занимают публикации материалов по миграциям в регионах. Составители статистического бюллетеня «Миграция населения Красноярского края» поясняют: «Данные о миграции получены в результате разработки поступающих от органов внутренних дел документов статистического учета прибытия и убытия, которые составляются при регистрации населения по месту жительства... Сведения о беженцах и вынужденных переселенцах

приведены по данным краевой Федеральной миграционной службы в отношении лиц, официально получивших этот статус с момента начала их регистрации (с 1 июля 1992 года)» [19, с. 3].

Отделы статистики труда «Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по краям и областям» выпускали региональные сборники «Труд и занятость». Управление Федеральной миграционной службы по Иркутской области ежегодно выпускало статистический бюллетень «О численности и составе иностранной рабочей силы».

Принципы учета и методы расчетов миграционных потоков не были постоянными. Составители статистического сборника «Труд и занятость в Иркутской области» за 2000 г. указывали: «Информация разрабатывается органами Миграционной службы по Иркутской области: о внешней трудовой миграции иностранных граждан и лиц без гражданства – по данным предприятий, учреждений, организаций, использующих труд иностранных граждан, и регистра региональной миграционной службы об использовании иностранной рабочей силы в личном хозяйстве граждан» [20, с. 48]. В сборнике за 2010 г. в разделе «о численности и составе иностранных граждан и лиц без гражданства, привлекаемых на работу в Иркутскую область», в части «иностранцев с безвизовым порядком въезда» говорилось: «Информация разрабатывается Федеральной миграционной службой по Иркутской области. Сведения об иностранных рабочих формируются на основании... уведомлений, полученных от работодателей, привлекающих иностранных работников» [17, с. 100]. Составители статистического бюллетеня «О численности и составе иностранной рабочей силы» указывали, что бюллетень составлялся «по данным Управления Федеральной миграционной службы по Иркутской области, осуществляющей сбор и обработку информации от юридических и физических лиц, которые имеют разрешение на

привлечение и использование иностранной рабочей силы или подтверждение на право трудовой деятельности, не требующей разрешения» [21, с. 3].

В качестве важного источника для данного исследования мы привлекли исследования, выполненные в изучаемый период. Например, в 1990-е гг. данными проблемами, в силу должностных обязанностей, занимались сотрудники государственных структур. Во введении к одной из обобщающих публикаций, вышедших в свет в 2001 г., было указано: «Работа подготовлена аналитической группой территориального органа Министерства по делам федерации, национальной и миграционной политики Российской Федерации в Красноярском крае на основе материалов, собранных с 1992 по 2000 год включительно» [22, с. 3]. В качестве источника привлечены данные социологических опросов, проведенные и обобщенные красноярскими исследователями [23].

Статистические данные, представленные в различных сборниках, не дают полной и объективной картины миграционных процессов. На это указывают и составители сборников. Например, составители статистического бюллетеня «Миграция населения Красноярского края» указывают: «Понятие "прибывшие" и "убывшие" характеризуют миграцию с некоторой условностью, поскольку один и тот же человек может в течение года сменить место постоянного жительства не один раз» [19, с. 3]. Говоря о проблеме отражения объективной картины иностранной трудовой миграции в делопроизводственных, статистических и некоторых других источниках, необходимо указать, что не только обыватели и исследователи, но и ответственные за это направление государственной деятельности чиновники, регулярно писали, что официальные, отраженные в документах, данные значительно занижены. Например, в работе С.И. Чепелева и Р.Г. Рафикова говорилось: «По неофициальным данным численность принятых иностранных граждан из государств СНГ в

3–4 раза превышает численность получивших разрешение на право трудовой деятельности и составляет ориентировочно 9–10 тысяч человек» [24, с. 32]. Исследователь К.В. Григоричев пишет: «Обращение к данным государственной статистики фактически бессмысленно» [10, с. 158]. В опубликованных исследованиях мы не встречали методик расчета соотношения реальной численности мигрантов к «официальной», а в работах исследователей данные тезисы подтверждаются «визуальными признаками их присутствия» и ограниченностью государственных механизмов учета и контроля миграции.

Мы соглашаемся с тем, что имеющиеся статистические сборники не отражают объективной картины таджикской трудовой миграции. Однако любой исторический источник не дает зеркального отражения объективной реальности, а является лишь инструментом для воссоздания исторической картины. Доступные на сегодня статистические материалы позволяют решать проблемы воссоздания общей картины становления и развития трудовой миграции в постсоветскую эпоху, выявлять общие тенденции и закономерности этого сложного и противоречивого явления в истории России.

Результаты исследования и их обсуждение. Массовая миграция из стран Средней Азии в регионы Российской Федерации началась после распада СССР. В первые годы постсоветской истории основу этой миграции составляли русские переселенцы, но Таджикистан имел специфику в сравнении с соседними государствами. Например, в 1999 г. представители русской национальности составляли большинство переселенцев в Восточную Сибирь из Узбекистана, Киргизии и Туркменистана, но из Таджикистана русские среди переселенцев не составляли большинства [19, с. 37]. На конец 1999 г. в числе беженцев и вынужденных переселенцев из Таджикистана было 98 человек таджикской национальности [26, с. 91], а всего в том же году таджиков приехало в Красноярский край

101 чел. [19, с. 38]. По показателю миграционного прироста в Красноярском крае в 1998–1999 гг. этнические таджики были на третьем месте после азербайджанцев и армян, всего 194 чел. [26, с. 93]. В эти годы имел место миграционный прирост таджиков и в соседней Хакасии (20 чел.). Большинство переселенцев из стран Средней Азии в Сибирь указали в качестве причины переезда «обстоятельства личного, семейного характера», переезжали «в связи со сменой места жительства». При этом в конце 1990-х переселенцы из Таджикистана дали самый высокий процент переезда в связи с работой. Таким образом, в 1990-х гг. на первом постсоветском этапе развития миграционных связей стран Средней Азии с Восточной Сибирью проявилась специфика Таджикистана, здесь была более заметной трудовая миграция коренного этноса государства.

В начале 1990-х гг. фиксировались лишь единичные случаи присутствия легальных трудовых мигрантов из стран Средней Азии в Восточной Сибири, а приезд таджиков в качестве таковых не отмечен. Согласно работе красноярских исследователей, труд легальных трудовых мигрантов был использован на предприятиях Красноярского края впервые лишь в 1995 г. [27]. По Иркутской области официальные данные по трудовой миграции из Средней Азии также впервые отмечаются с 1995 г. В том же году в числе «иностранных граждан, привлекаемых на работу в Иркутскую область», было зафиксировано 154 граждан Таджикистана, больше чем граждан Узбекистана и Кыргызстана вместе взятых [28, с. 52]. Иркутские исследователи полагают, что именно таджики стали «Первопроходцами, "пионерами" массовой трудовой миграции из Центральной Азии» [25, с. 520].

Доля трудовых мигрантов из стран Средней Азии в общем числе иностранных рабочих в Восточной Сибири в 1990-х гг. была невелика. Легальных рабочих из Узбекистана и Таджикистана в Красноярском крае в конце

1990-х гг. было около 100 человек из каждой из стран. Такая же ситуация была и в Иркутской области, как и в других сибирских регионах. По данным статистического сборника «Труд и занятость в Иркутской области», в 1995 и 1996 г. в регионе работали соответственно 154 и 123 граждан Таджикистана, а затем, до конца 1990-х гг. таковых ежегодно фиксировалось от 59 до 49 чел. [28, с. 52]. В 2000 г. в Иркутской области официально работали 58 граждан Таджикистана, в 8 раз меньше, чем граждан из Узбекистана [28, с. 52]. Граждане Таджикистана в общей доле трудовых мигрантов в Красноярском крае в 1999 г. составляли 2,1 %, а в 2000 г. их доля опустилась ниже 1 % [29, с. 62]. Трудовые мигранты из Таджикистана были заняты в разных сферах народного хозяйства. В 1999 г. в числе 49 трудовых мигрантов из Таджикистана в Иркутской области 23 человека работали в старательской артели, 17 чел. были заняты в строительстве, 2 чел. – в торговле и общественном питании [30, с. 158].

Несмотря на незначительную численность официально зарегистрированных трудовых мигрантов из Средней Азии, к началу 2000-х гг. таджики массово в качестве сезонных рабочих работали в Иркутской области. Иркутская газета в 1999 г. писала: «К Иркутску начнут съезжаться так называемые грачи: узбеки, таджики, которые приезжают на весенне-летний сезон период поработать на дачах подсобными рабочими. Осенью они "улетят обратно", заработав в России деньги... Учет "грачей" никто не ведет, меж тем летом их можно встретить в каждом садоводстве целыми бригадами» [31, с. 5]. Исследователь В.И. Дятлов приводил примеры, что рабочие из Таджикистана в конце 1990-х гг. регистрировались в паспортно-визовой службе, но «с Миграционной службой никто из них дел не имел... о том, что иностранцы должны получать там разрешение на работу они не знают» [30, с. 162]. В начале XXI века в Восточной Сибири проживало уже до-

статочно много таджиков, однако сложно выявить процент тех, кого можно отнести к трудовым мигрантам. Переписью 2002 г. в Красноярском крае было зафиксировано 2040 граждан Таджикистана [32, с. 108] и 3507 человек таджикской национальности, из которых 3333 чел. владели русским языком [32, с. 104]. Со времени переписи 1989 г. численность таджиков в Красноярском крае увеличилась в 3 раза [32, с. 99]. Однако в 2002 г. из 3,5 тыс. таджиков лишь 1819 были иностранными гражданами, в том числе 1761 – гражданами Таджикистана [33, с. 124–125].

В 2002 г. в Красноярском крае трудовые мигранты из Таджикистана занимали 5-е место среди работавших в регионе иностранцев и лиц без гражданства после мигрантов, прибывших из КНДР, Украины, КНР и Армении [35, с. 205]. В начале 2000-х гг. российские специалисты писали, что нелегальная трудовая миграция формировалась за счет «кавказцев», но не за счет «центральноазиатов» [36, с. 8]. Трудовые мигранты из Таджикистана в 2002 г. составляли 5,7 % от общего числа иностранных трудовых мигрантов в Красноярском крае, а на следующий год – 4,9 % [37, с. 114–116]. В Иркутской области в 2001, 2002, 2003 гг. официально работали соответственно 62, 43, 34 таджикских мигранта [28, с. 52].

Статистический учет фиксировал в 2000-х гг. незначительный миграционный прирост таджиков в Восточной Сибири. В 2004 г. в Красноярский край из Таджикистана приехал 21 чел. [34, с. 15]. Однако вскоре начался резкий прирост численности мигрантов из Таджикистана. Если в 2005 г. в Красноярский край из Таджикистана прибыли 48 чел., а выбыли на родину 12 чел. [38, с. 15], то в 2006 г. в край прибыли из Таджикистана 126 чел., а выбыл 1 чел. [39, с. 15]. В 2007–2008 гг. из Таджикистана в Красноярский край прибыли уже более 1700 мигрантов, а выбыли 10 человек [40, с. 15]. В последующие 2 года в регион прибыли из Таджикистана соответственно 1455 и 1297 чел., а

выбыли за эти 2 года на родину всего 13 таджиков [41, с. 15]. Таджики приезжали в Восточную Сибирь не только из Таджикистана. Например, в 2007 г. в Красноярский край прибыли из Таджикистана 765 чел., при этом этнических таджиков в край приехали 969 чел. [39, с. 32].

В Иркутской области граждан Таджикистана официально работало чуть больше, чем граждан Кыргызстана и Туркмении, но во много раз меньше, чем граждан Узбекистана. Например, в 2002 г. в Иркутской области было 43 трудовых мигрантов из Таджикистана и 1073 трудовых мигранта из Узбекистана. Таджикистан уступал по численности трудовых мигрантов в Иркутской области в эти годы КНР, КНДР, Украине, Узбекистану, Вьетнаму, странам бывшей Югославии, Армении, Казахстану и даже Молдове. Сравнивая ситуацию в Иркутской области с Красноярским краем, следует отметить, что в Красноярском крае трудовых мигрантов из Таджикистана в 2002 г. было немного больше, чем из Узбекистана [37, с. 114]. В статистическом сборнике «Труд и заработная плата в Красноярском крае» указано, что в 2005 г. в Красноярском крае работали 1,4 тыс. трудовых мигрантов из Таджикистана, таджики были на 4-м месте, уступая гражданам Украины, Китая и КНДР [42, с. 26]. На следующий год (2006) в Красноярском крае работали уже 1,9 тыс. [43, с. 36], в 2007 г. – 4,5 тыс. [44, с. 30], в 2008 г. – 9,1 тыс. таджикских трудовых мигрантов [45, с. 30]. В Иркутской области резкий рост числа трудовых мигрантов из Таджикистана произошел в 2007 г., а в 2008 г. год их численность еще удвоилась, достигнув 13971 чел. Таджикистан переместился на 3-е место по числу трудовых мигрантов в Иркутской области, уступая лишь Узбекистану и Китаю.

Резкий рост числа трудовых мигрантов из Таджикистана был взаимосвязан с началом нового этапа российско-таджикского межгосударственного сотрудничества в сфере миграции. В 2003 г. законодательные органы двух стран приняли межправительственное

соглашение, заложившее основу новой политики в этой сфере. В ходе реализации данного документа между различными министерствами и ведомствами были достигнуты специальные соглашения. Вопрос о миграции обсуждался и на встречах на высшем уровне. В октябре 2004 г. было подписано Межправительственное соглашение «О трудовой деятельности и защите прав граждан Республики Таджикистан в Российской Федерации и граждан Российской Федерации в Республике Таджикистан».

Кризис 2008 г. привел к некоторому снижению трудовой миграции. В 2009–2010 гг. число трудовых мигрантов из Таджикистана в Иркутской области уменьшилось (составляло 12231 и 11654 чел. соответственно). Темпы падения у Таджикистана были меньше, чем у Кыргызстана, а Узбекистан в 2009 г. показал даже значительный рост (на 5 тыс. чел.), но в 2010 г. падение мигрантов составило 10 тыс. чел. [17, с. 100].

Во втором десятилетии XXI века таджикская трудовая миграция в Восточной Сибири оставалась на ведущих позициях. С 2011 г. наметился рост числа трудовых мигрантов из всех стран СНГ, как и КНР, и КНДР. Для Иркутской области Таджикистан сохранил 3-е место по числу трудовых мигрантов, уступая КНР и Узбекистану [46, с. 8]. В Красноярске таджики среди трудовых мигрантов из стран СНГ к середине второго десятилетия XXI в. занимали 2-е место после киргизов. При этом исследователи указывали, что относительно таджиков в середине второго десятилетия XXI в. имел место «незначительный отток мигрантов на свою историческую родину» [23, с. 62]. В Красноярск, согласно данным социологических опросов, «таджики прибыли почти со всех районов Таджикистана примерно в одинаковой пропорции, кроме Горно-Бадахшанской области» [23, с. 62].

подавляющее большинство иностранных трудовых мигрантов в Восточной Сибири были заняты в сфере строительства [35, с. 205]. Именно в этой сфе-

ре использовался труд большинства трудовых мигрантов из Таджикистана. Говоря о миграции в 2002 г., красноярский исследователь писал: «Строительством в нашем крае занимались также иммигранты из Армении, Кыргызстана и Таджикистана» [37, с. 115]. В 2005 г. в Красноярском крае из общего числа 1,4 тыс. трудовых мигрантов из Таджикистана 0,6 тыс. чел. были заняты в сфере строительства, 0,4 тыс. чел. – в сфере торговли [42, с. 26]. В 2006 г. на стройках Красноярского края работали 1 тыс. таджиков их общего числа 1,9 тыс. [43, с. 36], в 2008 г. – 4 тыс., или 9,1 тыс. [45, с. 30]. Иркутской области в 2010 г. из общего числа трудовых мигрантов из Таджикистана (11654 чел.) 7293 чел. были заняты в сфере строительства, 1446 – в сфере добычи полезных ископаемых, 1080 – в сфере оптовой и розничной торговли, 772 – в сфере обрабатывающих производств, 458 – сельского хозяйства, охоты и лесного хозяйства, 452 – транспорта и связи, 115 чел. – коммунальных, социальных и персональных услуг [47, с. 12]. В 2011 г. из общего числа трудовых мигрантов из Таджикистана (12088 чел.) 7652 чел. были заняты в сфере строительства, 1358 – в сфере добычи полезных ископаемых, 1100 – в сфере оптовой и розничной торговли, 824 – в сфере обрабатывающих производств, 452 – транспорта и связи, 403 – сельского хозяйства, охоты и лесного хозяйства, 103 – коммунальных, социальных и персональных услуг [43, с. 12]. Таким образом, именно в сфере строительства трудовые мигранты из Таджикистана занимали первое место в абсолютных и относительных цифрах.

По относительной численности трудовые мигранты из Таджикистана по сравнению с мигрантами из стран Средней Азии в Иркутской области были на 1-м месте, а в Красноярском крае – на 2-м после выходцев из Кыргызстана. Обусловлено это было, возможно, тем, что киргизы воспринимали Красноярский край как свою историческую родину. Однако, по данным социологических

опросов, опубликованных красноярскими исследователями Т.Н. Третьяковой и С.С. Авериной в 2016 г.: «Длительность проживания у таджиков дольше, чем у киргизов... многие мужчины имеют смешанные браки» [23, с. 62]. Говоря о миграционных связях между Иркутской областью и Таджикистаном, следует отметить, что иногда прибывшие из Таджикистана занимали 1-е место среди мигрантов, прибывших из-за рубежа на постоянное место жительства в Иркутскую область (513 чел. в 2008 г.) [48, с. 17]. Но чаще лидером по числу мигрантов был Кыргызстан.

В последние годы миграционная активность граждан Таджикистана в России выделяется рядом особенностей. Согласно данным [5, с. 85] и ГУВМ МВД России, граждане Таджикистана по числу принятия российского гражданства находятся на 2-м месте после граждан Украины, их число превышает число принявших гражданство Российской Федерации граждан всех остальных государств Центральной Азии. И это притом, что граждане Таджикистана, в отличие от граждан некоторых стран СНГ, таких как Казахстан и Кыргызстан, не имеют право на упрощенный порядок получения российского гражданства

Заключение. Таким образом, миграционные связи Таджикистана с Восточной Сибирью во многом были похожи и соотносимы с миграционными процессами Узбекистана и Кыргызстана. Но при этом именно в миграционных связях Средней Азии с Восточной Сибирью с 1990-х гг. выделялась именно таджикская трудовая миграция. Резкий рост числа легальных трудовых мигрантов в Восточной Сибири произошел во второй половине первого десятилетия XXI в., счет пошел от нескольких десятков или сотен человек до нескольких десятки тысяч человек. Таджики вышли на лидирующие позиции среди иностранных трудовых мигрантов. Большинство трудовых мигрантов из Таджикистана всегда были заняты в строительном секторе. Среди иностранных трудовых мигрантов

последние годы именно таджики дали самый высокий показатель длительности проживания на одном месте и принятия гражданства Российской Федерации.

Список источников

1. Урожаева Т.П. Особенности миграционных процессов в Восточной Сибири в 90-е годы XX в. (на примере Иркутской области) // Сибирь в изменяющемся мире. История и современность: мат-лы Всерос. науч.-теорет. конф., посвящ. памяти профессора В.И. Дулова. Иркутск: Изд-во Иркут. гос. пед. ун-та, 2007. Кн. 2. С. 206–211.
2. Алиева Р.Р. Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. Серия гуманитарных наук. 2017. № 3 (72). С. 34–45.
3. Миграции населения Азиатской России: конец XIX – начало XXI в. Новосибирск: Параллель, 2011.
4. Авдашкин А.А. Миграция из Таджикистана в регионы Азиатской части: современная ситуация и риски // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. 2021. Т. 8. № 4 (32). С. 143–151.
5. Демографическое благополучие России. Национальный демографический доклад / С.В. Рязанцев [и др.]; ФНИСЦ РАН. М.: Перспектива, 2022.
6. Задорин А.В. Мотивация и адаптация мигрантов из Средней Азии в крупном сибирском городе (на примере киргизов Красноярска) // Специфика этнических миграционных процессов на территории Центральной Сибири в XX–XXI веках: опыт и перспективы: мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. (Красноярск, 26 нояб. 2020 г.) / отв. за вып. Н.П. Копцева. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2021. С. 140–148.
7. Соболева С.В., Чудаева О.В. Иностранцы мигранты на сибирском рынке труда: человеческий капитал иммиграции // Вестник НГУЭУ. 2008. № 1. С. 200–210.
8. Ерохина Е.А. Этническая миграция в социальном пространстве сибирских городов // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Философия. 2013. Т. 11. Вып. 4. С. 80–84.
9. Переселенческое общество Азиатской России: миграции, пространства, сообщества / под ред. В.И. Дятлова, К.В. Григоричева. Иркутск: Оттиск, 2013.
10. Григоричев К.В. «Таджики» в пригородах Иркутской агломерации // Миграции и диаспоры в социокультурном, политическом и экономическом пространстве Сибири. Рубежи XIX–XX и XX–XXI веков. Иркутск: Оттиск, 2010. С. 156–176.
11. Икромов Д.З. Оценка потенциала диаспор в развитии Таджикистана // Фундаментальные исследования. 2016. № 11. С. 797–802.
12. Султанов Ш.М. К истории возникновения миграции таджиков на территорию России в начале XX столетия // Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. 2009. № 4 (40). С. 99–104.
13. Назаршоева С.Ф. Современная Трудовая миграция населения Таджикистана: основные векторы и модели. // Востоковедные исследования на Алтае. 2016. № 10. С. 53–58.
14. Назаршоева С.Ф. Развитие межгосударственного взаимодействия Республики Таджикистан и Российской Федерации в сфере регулирования трудовой миграции (конец XX – начало XXI в.) // Известия Алтайского государственного университета. 2018. № 5 (103). С. 119–123.
15. Олимова С.К. Внешняя миграция таджиков: традиции и современность // Перспективы миграции коренных народов Центральной Азии в Россию: сб. науч. тр. Новосибирск, 2003. С. 109–137.
16. О численности и составе иностранной рабочей силы: стат. бюл. Иркутск, 2011.

17. Труд и занятость в Иркутской области: стат. сб. Иркутск, 2011.
18. Сводные итоги Всероссийской переписи населения 2002 года по Красноярскому краю: стат. сб. Красноярск, 2007.
19. Миграция населения Красноярского края в 1999 году: стат. бюл. Красноярск, 2000.
20. Труд и занятость в Иркутской области: стат. сб. Иркутск, 2001.
21. О численности и составе иностранной рабочей силы: стат. бюл. Иркутск, 2012.
22. Национальные отношения и миграционная ситуация в Красноярском крае. Красноярск, 2001.
23. *Третьякова Т.Н., Аверина С.С.* Социокультурные трансформации киргизского и таджикского населения в условиях миграции // Адаптация мигрантов и социализация коренной молодежи в поликультурном образовательном пространстве России и зарубежных стран: мат-лы 5-й регион. науч.-практ. конф. с международным участием. Красноярск: Изд-во КГПУ, 2016. С. 61–66.
24. *Чепелев С.И., Рафиков Р.Г.* Демографические и миграционные процессы в Красноярском крае // Этносы Сибири. История и современность: сб. тез. науч.-практ. конф., посвящ. 60-летию Красноярского края. Красноярск, 1994. С. 25–32.
25. Восток России: миграции и диаспоры в переселенческом обществе. Рубежи XIX–XX и XX–XXI веков/ науч. ред. *В.И. Дятлов*. Иркутск: Оттиск, 2011.
26. *Рафиков Р.Г., Крюков В.А.* Миграционные процессы в Енисейском регионе в 1990-е гг. // Этносоциальные процессы в Сибири. Новосибирск: Изд-во НГУ, 2003. Вып. 5.
27. Этносы Сибири. История и современность: сб. тез. науч.-практ. конф., посвящ. 60-летию Красноярского края. Красноярск, 1994.
28. Труд и занятость в Иркутской области: стат. сб. Иркутск, 2004.
29. Труд и занятость в Красноярском крае: стат. сб. Красноярск, 2002.
30. *Дятлов В.И.* Таджики в современном Иркутске: первопроходцы новой миграционной волны? // Перспективы миграции коренных народов Центральной Азии в Россию: сб. науч. тр. Новосибирск, 2003. С. 150–175.
31. Забугорная экспансия // Губернские ведомости. 1999. 2 марта. С. 5.
32. Сводные итоги Всероссийской переписи населения 2002 года по Красноярскому краю: стат. сб. Красноярск, 2007. № 8-72.
33. Национальный состав и владение языками, гражданство населения Красноярского края. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 год: стат. сб. Красноярск, 2006. № 8-60.
34. Миграция населения Красноярского края в 2005 году: стат. бюл. Красноярск, 2006. № 8-5-2.
35. *Уржаева Т.П.* Население Красноярского края и международная миграция в 1990-е годы // Приграничный регион в историческом развитии: партнерство и сотрудничество: мат-лы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию революции 1917 года, 80-летию со дня образования Читинской области, 50-летию атомной промышленности в Забайкалье: в 3 ч. Чита: Забайкал. гос. ун-т, 2017. Ч. 1. С. 204–208.
36. *Панарин С.А.* Перспективы миграции коренных народов Центральной Азии в Россию: основные стимулы и ограничители // Перспективы миграции коренных народов Центральной Азии в Россию: сб. науч. тр. Новосибирск, 2003. С. 8–37.
37. *Полиновский В.И.* Современная трудовая миграция в Красноярский край // Красноярский край – 70 лет исторического пути: мат-лы V краевед. чтений. Красноярск: ГУНБ Краснояр. края, 2005. С. 114–119.

38. Миграция населения Красноярского края в 2006 году: стат. бюл. Красноярск, 2007.
39. Миграция населения Красноярского края в 2007 году: стат. бюл. Красноярск, 2008.
40. Миграция населения Красноярского края в 2008 году: стат. бюл. Красноярск, 2009.
41. Миграция населения Красноярского края в 2010 году: стат. бюл. Красноярск, 2011.
42. Труд и заработная плата в Красноярском крае: стат. сб. Красноярск, 2006.
43. Труд и заработная плата в Красноярском крае: стат. сб. Красноярск, 2007.
44. Труд и заработная плата в Красноярском крае: стат. сб. Красноярск, 2008.
45. Труд и заработная плата в Красноярском крае: стат. сб. Красноярск, 2009.
46. О численности и составе иностранной рабочей силы: стат. бюл. Иркутск, 2012.
47. О численности и составе иностранной рабочей силы: стат. бюл. Иркутск, 2011.
48. Миграция населения: стат. бюл. Иркутск, 2010.

References

1. *Urozhaeva T.P.* Osobennosti migratsionnykh protsessov v Vostochnoi Sibiri v 90-e gody KHKH v. (na primere Irkutskoi oblasti) // *Sibir' v izmenyayushchemsya mire. Istoriya i sovremennost': mat-ly Vseros. nauch.-teoret. konf., posvyashch. pamyati professora V.I. Dulova.* Irkutsk: Izd-vo Irkut. gos. ped. un-ta, 2007. Kn. 2. S. 206–211.
2. *Alieva R.R.* Vestnik Tadzhijskogo gosudarstvennogo universiteta prava, biznesa i politiki. Seriya gumanitarnykh nauk. 2017. № 3 (72). S. 34–45.
3. *Migratsii naseleniya Aziatskoi Rossii: konets XIX – nachalo XXI v.* Novosibirsk: Parallel', 2011.
4. *Avdashkin A.A.* Migratsiya iz Tadzhikestana v regiony Aziatskoi chas-ti: sovremennaya situatsiya i riski // *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Istoricheskie nauki.* 2021. T. 8. № 4 (32). S. 143–151.
5. *Demograficheskoe blagopoluchie Rossii. Natsional'nyi demograficheskiy doklad / S.V. Ryazantsev [i dr.]; FNISTS RAN. M.: Perspektiva, 2022.*
6. *Zadorin A.V.* Motivatsiya i adaptatsiya migrantov iz Srednei Azii v krupnom sibirskom gorode (na primere kirgizov Krasnoyarska) // *Spetsifika etnicheskikh migratsionnykh protsessov na territorii Tsentral'noi Sibiri v XX–XXI vekakh: opyt i perspektivy: mat-ly Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Krasnoyarsk, 26 noyab. 2020 g.) / otv. za vyp. N.P. Koptseva.* Krasnoyarsk: Sib. feder. un-t, 2021. S. 140–148.
7. *Soboleva S.V., Chudaeva O.V.* Inostrannye migranty na sibirskom rynke truda: che-lovecheskii kapital immigratsii // *Vestnik NGUEHU.* 2008. № 1. S. 200–210.
8. *Erokhina E.A.* Etnicheskaya migratsiya v sotsial'nom prostranstve sibir-skikh gorodov // *Vestn. Novosib. gos. un-ta. Seriya: Filosofiya.* 2013. T. 11. Vyp. 4. S. 80–84.
9. *Pereselencheskoe obshchestvo Aziatskoi Rossii: migratsii, prostranstva, soobshchestva / pod red. V.I. Dyatlova, K.V. Grigorieva.* Irkutsk: Ottisk, 2013.
10. *Grigoriev K.V.* «Tadzhiki» v prigorodakh Irkutskoi aglomeratsii // *Migratsii i diaspora v sotsiokul'turnom, politicheskom i ehkonomicheskom prostranstve Sibiri. Rubezhi XIX–KHKH i KHKH–XXI vekov.* Irkutsk: Ottisk, 2010. S. 156–176.
11. *Ikromov D.Z.* Otsenka potentsiala diaspor v razvitii Tadzhikestana // *Fundamental'nye issledovaniya.* 2016. № 11. S. 797–802.
12. *Sultanov SH.M.* K istorii vozniknoveniya migratsii tadzhikov na territoriyu Rossii v nachale KHKH stoletiya // *Vestnik Tadzhijskogo gosudarstvennogo universiteta prava, biznesa i politiki.* 2009. № 4 (40). S. 99–104.

13. *Nazarshoeva S.F.* Sovremennaya Trudovaya migratsiya naseleniya Tadzhikestana: osnovnye vektory i modeli. // Vostokovednye issledovaniya na Altae. 2016. № 10. S. 53–58.
14. *Nazarshoeva S.F.* Razvitie mezghosudarstvennogo vzaimodeistviya Respubliki Tadzhikestana i Rossiiskoi Federatsii v sfere regulirovaniya tru-dovoi migratsii (konets XX – nachalo XXI v.) // Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta. 2018. № 5 (103). S. 119–123.
15. *Olimova S.K.* Vneshnyaya migratsiya tadjikov: traditsii i sovremen-nost' // Perspektivy migratsii korennykh narodov Tsentral'noi Azii v Rossiyu: sb. nauch. tr. Novosibirsk, 2003. S. 109–137.
16. O chislennosti i sostave inostrannoi rabochei sily: stat. byul. Ir-kutsk, 2011.
17. Trud i zanyatost' v Irkutskoi oblasti: stat. sb. Irkutsk, 2011.
18. Svodnye itogi vserossiiskoi perepisi naseleniya 2002 goda po Krasnoyarskomu kraju: stat. sb. Krasnoyarsk, 2007.
19. Migratsiya naseleniya Krasnoyarskogo kraja v 1999 godu: stat. byul. Krasnoyarsk, 2000.
20. Trud i zanyatost' v Irkutskoi oblasti: stat. sb. Irkutsk, 2001.
21. O chislennosti i sostave inostrannoi rabochei sily: stat. byul. Ir-kutsk, 2012.
22. Natsional'nye otnosheniya i migratsionnaya situatsiya v Krasnoyarskom krae. Krasnoyarsk, 2001.
23. *Tret'yakova T.N., Averina S.S.* Sotsiokul'turnye transformatsii kirgizskogo i tadjikskogo naseleniya v usloviyakh migratsii // Adaptatsiya migrantov i sotsializatsiya korennoi molodezhi v polikul'turnom obrazovatel'nom prostranstve Rossii i zarubezhnykh stran: mat-ly 5-i region. nauch.-prakt. konf. s mezhdunar. uchastiem. Krasnoyarsk: Izd-vo KGPU, 2016. S. 61–66.
24. *Chepelev S.I., Rafikov R.G.* Demograficheskie i migratsionnye pro-tsessy v Krasnoyarskom krae // Ehtnosy Sibiri. Istoriya i sovremennost': sb. tez. nauch.-prakt. konf., posvyashch. 60-letiyu Krasnoyarskogo kraja. Krasnoyarsk, 1994. S. 25–32.
25. Vostok Rossii: migratsii i diaspory v pereselencheskom obshchestve. Rubezhi XIX–XX i XX–XXI vekov/ nauch. red. *V.I. Dyatlov*. Irkutsk: Ottisk, 2011.
26. *Rafikov R.G., Kryukov V.A.* Migratsionnye protsessy v Eniseiskom regione v 1990-e gg. // Ehtnosotsial'nye protsessy v Sibiri. Novosibirsk: Izd-vo NGU, 2003. Vyp. 5.
27. Ehtnosy Sibiri. Istoriya i sovremennost': sb. tez. nauch.-prakt. konf., posvyashch. 60-letiyu Krasnoyarskogo kraja. Krasnoyarsk, 1994.
28. Trud i zanyatost' v Irkutskoi oblasti: stat. sb. Irkutsk, 2004.
29. Trud i zanyatost' v Krasnoyarskom krae: stat. sb. Krasnoyarsk, 2002.
30. *Dyatlov V.I.* Tadjiki v sovremennom Irkutske: pervopokhodtsy novoi migratsionnoi volny? // Perspektivy migratsii korennykh narodov Tsentral'noi Azii v Rossiyu: sb. nauch. tr. Novosibirsk, 2003. S. 150–175.
31. Zabugornaya ehkspansiya // Gubernskie vedomosti. 1999. 2 marta. S. 5.
32. Svodnye itogi Vserossiiskoi perepisi naseleniya 2002 goda po Krasnoyarskomu kraju: stat. sb. Krasnoyarsk, 2007. № 8-72.
33. Natsional'nyi sostav i vladenie yazykami, grazhdanstvo naseleniya Krasnoyarskogo kraja. Itogi Vserossiiskoi perepisi naseleniya 2002 god: stat. sb. Krasnoyarsk, 2006. № 8-60.
34. Migratsiya naseleniya Krasnoyarskogo kraja v 2005 godu: stat. byul. Krasnoyarsk, 2006. № 8-5-2.
35. *Urozhaeva T.P.* Naselenie Krasnoyarskogo kraja i mezhdunarodnaya mi-gratsiya v 1990-e gody // Prigranichnyi region v istoricheskom razvitii: part-nerstvo i sotrudnichestvo: mat-ly Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., posvyashch. 100-letiyu revolyutsii 1917 goda, 80-letiyu so dnya obrazovaniya Chitinskoi ob-lasti, 50-letiyu atomnoi

- promyshlennosti v Zabaikal'e: v 3 ch.. Chita: Zabaikal. gos. un-t. 2017. CH. 1. S. 204–208.
36. *Panarin S.A.* Perspektivy migratsii korennykh narodov Tsentral'noi Azii v Rossiyu: osnovnye stimuly i ogranichiteli // Perspektivy migratsii korennykh narodov Tsentral'noi Azii v Rossiyu: sb. nauch. tr. Novosibirsk, 2003. S. 8–37.
 37. *Polinovskii V.I.* Sovremennaya trudovaya migratsiya v Krasnoyarskii krai // Krasnoyarskii krai – 70 let istoricheskogo puti: mat-ly V kraeved. chtenii. Krasnoyarsk: GUNB Krasnoyar. kraja, 2005. S. 114–119.
 38. Migratsiya naseleniya Krasnoyarskogo kraja v 2006 godu: stat. byul. Krasnoyarsk, 2007.
 39. Migratsiya naseleniya Krasnoyarskogo kraja v 2007 godu: stat. byul. Krasnoyarsk, 2008.
 40. Migratsiya naseleniya Krasnoyarskogo kraja v 2008 godu: stat. byul. Krasnoyarsk, 2009.
 41. Migratsiya naseleniya Krasnoyarskogo kraja v 2010 godu: stat. byul. Krasnoyarsk, 2011.
 42. Trud i zarabotnaya plata v Krasnoyarskom krae: stat. sb. Krasnoyarsk, 2006.
 43. Trud i zarabotnaya plata v Krasnoyarskom krae: stat. sb. Krasnoyarsk, 2007.
 44. Trud i zarabotnaya plata v Krasnoyarskom krae: stat. sb. Krasnoyarsk, 2008.
 45. Trud i zarabotnaya plata v Krasnoyarskom krae: stat. sb. Krasnoyarsk, 2009.
 46. O chislennosti i sostave inostrannoi rabochei sily: stat. byul. Irkutsk, 2012.
 47. O chislennosti i sostave inostrannoi rabochei sily: stat. byul. Irkutsk, 2011.
 48. Migratsiya naseleniya: stat. byul. Irkutsk, 2010.

Статья принята к публикации 25.03.2023/
The article has been accepted for publication 25.03.2023.

Информация об авторе:

Владимир Григорьевич Дацышен, главный научный сотрудник; профессор кафедры всеобщей истории, доктор исторических наук, профессор

Information about the authors:

Vladimir Grigoryevich Datsyshen, Chief Researcher; Professor at the Department of World History, Doctor of Historical Sciences, Professor

